

Л.К. МАКСИМОВ, Л.Ю. ГОРОХОВАТСКИЙ
(Санкт-Петербург)

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
СОПРОТИВЛЯЕМОСТЬ ЛИЧНОСТИ
И ЕЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Описывается феномен психологической сопротивляемости личности, предлагается авторский взгляд на его структуру, включающую такие психические образования, как самооценка, мотивация, конформность и уровень профессиональной подготовки; выдвигается тезис о существовании типичных ситуаций проявления сопротивляемости в профессиональной деятельности, а также дается обзор возможных стратегий поведения субъекта в подобных ситуациях.

Ключевые слова: *психологическая сопротивляемость, профессиональная деятельность, самооценка, мотивация, конформность, профессиональная подготовка.*

Проблема психологической сопротивляемости личности в последнее время вызывает все более живой интерес у отечественных специалистов – как исследователей, так и практиков, занимающихся оказанием психологической помощи в самых разных контекстах жизнедеятельности человека [3–7; 13 и др.]. Этот интерес, с нашей точки зрения, обусловлен тем, что психологическая сопротивляемость как психическое образование представляет собой универсальную совокупность средовых, социальных и психических ресурсов, позволяющих личности наиболее плодотворно действовать в условиях всевозможных факторов психогенного риска, которыми на современной стадии развития природы и общества изобилуют как физическая, так и психическая среда существования человека [10]. Отметим, что и теоретическая категория психологической сопротивляемости личности, и сам феномен как объект исследования являются, по сути, *инновационными для отечественной психологии* и с различной степенью активности исследуются российскими специалистами лишь на протяжении последних пяти – семи лет. Вместе с тем, безусловно, нельзя утверждать, что в рамках отечественной психологии в предшествующий обозначенному период не изучалась проблема совладания с

трудными жизненными ситуациями. Целый ряд крупных отечественных ученых, среди которых И.А. Баева (проблема психологической безопасности личности в среде и социальном взаимодействии [2]), Д.А. Леонтьев (проблема личностного потенциала [11]), А.Г. Маклаков [12], С.Т. Посохова (проблема адаптации и адаптационного потенциала [16]) и др., рассматривали и рассматривают в своих работах различные грани этой проблемы. Кроме того, в некоторых отечественных публикациях уделяется значительное внимание изучению зарубежного опыта в этой области и анализируются сходные теоретические конструкты, концептуализированные зарубежными психологами. Можно, в частности, указать на работы Л.А. Александровой (концепция жизнестойкости), А.М. Жукова (проблема стресса жизни [8]), Е.Н. Осина (понятие «чувство связности» [14]) и мн. др.

Вместе с тем лишь на сегодняшнем этапе отечественные специалисты приходят к осознанию того, что упомянутые выше грани психической реальности (жизнестойкость, адаптация, личностный потенциал, etc.) являются своего рода *мозаичными элементами в некоем едином, интегративном, конструкте* [3–7]. Анализ идей, прослеживающихся в работах Л.А. Гаязовой [3], И.Н. Дунаевой [5–7], А.А. Нарушевич [13] и других авторов, показывает, что в целом российские исследователи в ходе своего научного поиска приходят к точке зрения, схожей с позицией Ш. Ионеску (S. Ionescu) о том, что психологическая сопротивляемость личности как грань психической реальности представляет собой *комплексное личностное качество, позволяющее наиболее эффективно и сохранно преодолевать действие существенных факторов риска и жизненных трудностей*, а теоретическая категория сопротивляемости представляет собой такой подход в рамках психологии преодоления трудных жизненных ситуаций, который дает возможность *системно и наиболее результативно* решать задачи, стоящие перед исследователями и практиками, занятыми в данной области [21]. Коротко остановимся на сути феномена сопротивляемости (более подробно он описан, в частности, в наших предыдущих публикациях [4 и др.]).

Важно отметить, что термин *психологическая сопротивляемость личности*, введенный в русский научный лексикон во время Между-

народного форума «Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма», который состоялся в Санкт-Петербурге на базе Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена в 2006 г., является аналогом английского термина *psychological resilience*. В этой связи обратимся к Британскому токовому словарю (Webster's), который трактует смысл слова *resilience* следующим образом: это – «отпружинивание, способность держаться на поверхности, обладание ресурсом (силой) для быстрого восстановления» (здесь и далее перевод с английского Л.Ю. Гороховатского). С.С. Лютар (S.S. Luthar) и его соавторы, обобщая точки зрения Н. Гармези (N. Garmezy), Э. Мастен (A. Masten), М. Руттера (M. Rutter), Е. Вернер (E. Werner) и других основоположников теории психологической сопротивляемости, дают следующее весьма лаконичное определение феномена: сопротивляемость – это процесс, делающий возможной позитивную адаптацию в условиях существенных трудностей [24]. Согласно Ш. Ионеску, психологическая сопротивляемость – это выраженная способность и приведенный в действие механизм противостояния несчастьям и травматизму [9]. М. Чикзентмихайи (M. Csikszentmihalyi) и его соавторы определяют сопротивляемость весьма коротко – как способность преобразовывать негативные условия существования в позитивные [19]. Заходя «с обратной стороны феномена», К.Л.М. Кейс (C.L.M. Keyes) интерпретирует понятие сопротивляемости как совокупность факторов риска, действие которых предотвращено или не реализовано [22]. Емко характеризуют феномен сопротивляемости Л.А. Аллен (L.A. Allen) и К. Хёртс (K. Hurts): сопротивляемость – это способность личности эффективно взаимодействовать с проблемами, имеющими место в ее повседневной жизни [17].

В работах отечественных авторов также представлены некоторые определения феномена. Так, Л.А. Гаязова понимает сопротивляемость как совокупность ресурсов личности, обеспечивающих ее способность к совладанию с трудными и кризисными ситуациями и возможность восстанавливаться и использовать приобретенный опыт в дальнейшем [3]. Н.И. Дунаева дает следующее определение феномена сопротивляемости: сопротивляемость – способность личности, позволяющая противостоять негативным жизненным ситуациям, нивелировать степень негативного воз-

действия их на себя и на свое окружение, достигать высокого уровня адаптации к новым условиям собственной жизни и быть способным к конструктивному ее преобразованию [6]. В понимании А.А. Нарушевич, психологическая сопротивляемость представляет собой процесс и результат взаимодействия человека со средой, связанные с потенциальными и актуальными возможностями и ресурсами человека и среды, проявляющимися в способности справляться с трудными жизненными ситуациями, успешном разрешении жизненных задач, в субъективном ощущении успешности [13]. Резюмирующим (и наиболее компактным) можно назвать определение категории сопротивляемости, данное Б.Б. Величковским: сопротивляемость – это общая способность личности противостоять трудностям [26].

Сопоставляя эти определения, мы можем убедиться в том, что так или иначе конструктивно сопротивляемость – это 1) способность, 2) совокупность ресурсов, 3) процесс, 4) то, что позволяет переживать затруднения (действие факторов риска) и продолжать существование. Этот вывод в целом совпадает с точкой зрения Ш. Ионеску, который отмечает, что на сегодняшний день психологическая сопротивляемость рассматривается в литературе в основном в следующих дискурс-модификациях как: 1) способность нормально психически развиваться, несмотря на дестабилизирующие события, тяжелые условия жизни и травматизм, или как способность быстро адаптироваться к несчастью или бедствию, восстанавливаться после этих событий; 2) отсутствие психологических расстройств во время и после действия фактора риска; 3) процесс, включающий взаимодействие субъекта и среды, факторы защиты (индивидуальные, семейные, средовые), регулирующие риск [21].

Наиболее *целостным* определением феномена нам представляется то, которое предложено А.А. Нарушевич. Оно является в наибольшей степени соответствующим *имплицитному* представлению о сущности категории сопротивляемости. Принимая данное определение как *рабочее* для наших исследований, ответим на вопрос: каковы основные факторы (точнее *ресурсы*) сопротивляемости, т.е. какова ее психологическая структура?

В отечественной и зарубежной литературе приводится достаточно большое количество подходов, позволяющих систематизировать совокупность ресурсов психологиче-

ской сопротивляемости. Важно, что практически все из этих типологий так или иначе указывают на то, что сопротивляемость состоит, как минимум, из двух групп ресурсов, которые упрощенно можно обозначить как «внешние» и «внутренние». Например, согласно К. Ихайя и соавторам (К. Ihaaya & all), ресурсы психологической сопротивляемости можно сгруппировать так, что структура психологической сопротивляемости будет включать в себя два глобальных компонента: 1) собственно психологические характеристики и 2) социально-инфраструктурные ресурсы сопротивляемости – поддержка общества, семьи, друзей, благоприятная физическая среда и т.д. [20]. В целом схожее понимание структуры сопротивляемости мы встречаем в работе Р.Б. Брукса (R.B. Brooks), который относит ресурсы сопротивляемости к следующим основным категориям: 1) индивидуально-личностные особенности (темперамент и характер, уровень развития интеллекта, направленность личности и др.); 2) благоприятные семейные обстоятельства; 3) умение позитивно взаимодействовать с жизненными ситуациями (в частности, отношением к социальной, профессиональной, образовательной и другим средам) [18]. Степень развития этих ресурсов является показателем баланса психологической сопротивляемости субъекта и его психологической уязвимости.

В приведенных подходах налицо грань, проведенная между индивидуальными и социально-психологическими характеристиками, составляющими внутриличностный план сопротивляемости, и характеристиками социальными и семейными, образующими ее внешний план.

Формат настоящей статьи не позволяет рассмотреть все известные нам типологии ресурсов сопротивляемости – подход К. Вольфа (K. Wolff), приводимый в работе А.А. Нарушевич [13], типологию Т. Су (T. So), разработанную в русле позитивной психологии, точки зрения В. Октан (V. Oktan) [25], Л. Лего и соавторов (L. Legaulte & all) [23], косвенные указания на структуру сопротивляемости, которые можно найти, например, в работах Ю.П. Поваренкова [15] или А.М. Жукова [8], и многие другие позиции. Обобщая их, можно утверждать, что в структуру психологической сопротивляемости личности входят (в составе внутриличностного блока) следующие ресурсы: самооценка, конформность, мотивация, уровень профессиональной подготовки.

Отталкиваясь от данного тезиса, мы можем сделать очень важное заключение. Во всем массиве публикаций по проблеме сопротивляемости значительное внимание уделяется таким ее аспектам, как, например, развитие сопротивляемости учащихся средней и высшей школы, лиц, осуществляющих деятельность, сопряженную с особым риском (в частности, военнослужащих), субъектов, переживших террористические атаки, техногенные катастрофы и стихийные бедствия, лиц, страдающих соматическими заболеваниями, пораженных тоталитарным режимом или вовлеченных в гражданскую войну и других категорий. При этом, в глаза бросается то, что значительно меньшее внимание исследователи уделяют вопросам развития психологической сопротивляемости субъектов профессиональной деятельности. Именно здесь возникает значимое противоречие. Дело в том, что если в перечисленных случаях психологическую сопротивляемость субъекта необходимо повышать всеми возможными способами, то в ситуации профессиональной деятельности обозначенные нами выше ресурсы сопротивляемости могут сыграть как позитивную, так и негативную роль. Это определяется сценарием проявления сопротивляемости (личностным или профессиональным), выбираемым субъектом в трудной профессиональной ситуации. Сопротивление некоторым элементам профессиональной деятельности (например, приказам и распоряжениям, корпоративным нормам и правилам и т.д.), базирующееся на *личностной платформе* (преобладание неконформизма, мотивации избегания неудачи, высокая личностная, но низкая профессиональная самооценка, недостаточный профессиональный уровень), может нанести значительный вред профессиональной деятельности и коллективу, тогда как *повиновение* им (которое возможно в случае низкой профессиональной самооценки, высокой конформности, низкой личностной мотивации) может иметь, напротив, позитивный эффект. Однако еще более результативным может стать сопротивление затруднительной ситуации, основанное на *профессиональной платформе* сопротивляемости. К такому исходу трудной профессиональной ситуации может привести очень сбалансированная совокупность ресурсов сопротивляемости, включающая разумное равновесие конформности и неконформизма, высокую профессиональную мотивацию (ориентацию на достижение результата), оптимальную

личностную и профессиональную самооценку, при условии наличия хорошей профессиональной подготовки. Таким образом, выбор стратегии поведения в профессионально трудной ситуации определяется индивидуальной совокупностью гетерогонно развитых ресурсов сопротивляемости. Задача организационного психолога в данном случае заключается в сопровождении и, возможно, коррекции именно тех из них, которые позволили бы субъекту выбрать *оптимальный* путь преодоления трудности. Приведем пример, иллюстрирующий данный тезис, полученный нами в практике исследования профессиональной деятельности должностных лиц таможенных органов.

В ходе деятельности по повышению психологической культуры должностных лиц Федеральной таможенной службы (ФТС) и развитию научно-методического обеспечения ведомственной психологической службы ФТС, которую мы регулярно осуществляем с коллегами – психологами таможенных органов, мы провели методом опроса исследование представлений специалистов-таможенников различного профиля (таможенных психологов, специалистов по таможенному оформлению и техническим средствам таможенного контроля, юристов и кинологов) о *типичных ситуациях* проявления психологической сопротивляемости в профессиональной деятельности должностных лиц таможенных органов. В результате мы получили перечень таких типичных ситуаций, который подробнее опишем в отдельной работе. Остановимся на одной из них, однозначно оцененной должностными лицами как ситуация существенного риска. Вот ее фабула: в процессе таможенного оформления груза, ввозимого на таможенную территорию Таможенного союза (России, Белоруссии и Казахстана), инспектор установил, что в документах, предоставленных участником внешнеэкономической деятельности (ВЭД), занижена таможенная стоимость ввозимого товара. Осуществляя корректировку таможенной стоимости, инспектор ощутил давление со стороны участника ВЭД, желавшего любым возможным способом не допустить корректировки таможенной стоимости (и, соответственно, уклониться от уплаты таможенных пошлин в установленном объеме). При этом участник ВЭД использовал все возможные инструменты давления: апеллировал к нормативно-правовой базе, шантажировал, угрожал развитием служебных конфликтов, предлагал коррупционные схемы решения проблем.

В чем заключается трудность данной ситуации для специалиста-таможенника? В первую очередь данная ситуация является основой для принятия должностным лицом решений коррупционного характера. Кроме того, она ставит под вопрос профессиональную состоятельность должностного лица, поскольку предполагает возможность невыполнения им основной задачи таможенных органов – защиты экономической безопасности Российской Федерации. Вне зависимости от своего исхода данная ситуация может повлечь за собой служебные проверки, административную и уголовную ответственность и в итоге негативно сказаться на профессиональном, финансовом и личностном статусе инспектора. В этом свете сам факт возникновения ситуации и особенно манипулятивные действия участника ВЭД являются очень острым стрессорным фактором, т.е. фактором существенного психогенного риска, которому должностное лицо вынуждено сопротивляться.

Отвечая на вопрос о том, каковы основные стратегии выхода из данной ситуации, опрошенные нами должностные лица таможенных органов обозначили следующие (в целом совпавшие с нашими предположениями): 1) игнорировать оказываемое давление и действовать согласно требованиям руководящих документов; 2) уклониться от разрешения конфликта и обратиться за помощью к начальству; 3) предпринять все возможное для самостоятельного поиска компромисса с участником ВЭД и выбора наиболее привлекательного как для себя, так и для участника ВЭД сценария. При этом, оценивая эффективность этих стратегий с точки зрения целей и задач ФТС, опрошенные должностные лица констатировали, что первая стратегия – наиболее эффективна, вторая эффективна, но в меньшей степени, а третья не эффективна вовсе и по природе своей коррупциогенна.

Анализируя предложенные варианты выхода из обозначенной трудной ситуации, мы пришли к выводу, что первая стратегия представляет собой профессионально базированную стратегию сопротивления, вторая – стратегию ухода или повинования (несопротивления), а третья – стратегию личностного сопротивления. При этом личностное сопротивление в данном случае, как мы и отмечали выше, является худшим из возможных вариантов. Стратегия ухода от ситуации менее фатальна с точки зрения выполнения целей и задач деятельности, требует включения большего административного и временного ресурса, а стра-

тегия профессионального сопротивления дает наиболее подходящий результат.

Принимая во внимание все сказанное, можно заключить, что исследование стратегий выхода специалистов из трудных профессиональных ситуаций и соотнесение этих стратегий со степенью развитости ресурсов психологической сопротивляемости поможет заключить, какие ресурсы сопротивляемости того или иного субъекта профессиональной деятельности требуют психологического сопровождения и коррекции.

Разработка соответствующей методики диагностики психологической сопротивляемости субъекта профессиональной деятельности, основанной на анализе стратегий поведения в типичных ситуациях профессиональных трудностей, является нашей основной задачей и будет описана в наших следующих публикациях.

Литература

1. Александрова Л.А. Концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня / под ред. М.Н. Горбатовой, А.В. Серого, М.С. Яницкого. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. Вып. 2. С. 82–90.
2. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании : моногр. СПб. : СОЮЗ, 2002.
3. Гаязова Л.А. Кросс-культурные исследования ресурсов сопротивляемости в детском возрасте // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2011. № 139. С. 35–40.
4. Гороховатский Л.Ю., Лагун А.В. Конструкт психологической сопротивляемости личности как основа помогающей деятельности психолога-консультанта (основные направления исследовательской и опытно-консультативной деятельности) // Таможенные чтения – 2011. Инновационная Россия: вызовы образованию и науке : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Т. I: Инновационная Россия: проблемы и перспективы : в 2 ч. / под общ. ред. проф. А.Н. Мячина. СПб. : С.-Петербург. им. В.Б. Бобкова филиал Рос. тамож. акад., 2011. Ч. I. С. 212–214.
5. Дунаева И.Н. Религиозность как социальный фактор при сопротивляемости личности негативным жизненным ситуациям // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1 (32). С. 73–75.
6. Дунаева Н.И. К определению понятия сопротивляемости человека негативным воздействиям среды // Вестн. Тамб. гос. ун-та. 2010. Вып. 2. С. 162–166.
7. Дунаева Н.И. Сопротивляемость как личностная способность современного человека // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2011. № 139. С. 66–72.
8. Жуков А.М. Стресс жизни офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации и его психопрофилактика : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
9. Ионеску Ш. Культурная сопротивляемость // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 3(10). С. 74–76.
10. Кондратьев К.Я. Устойчивое развитие в контексте проблем общества потребления // Устойчивое развитие и экологический менеджмент. СПб. : СПбГУ, ВВМ, 2005. С. 29–62.
11. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Уч. зап. МГУ им. М. В. Ломоносова / под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2002. Вып. 1. С. 56–65.
12. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психол. журн. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.
13. Нарушевич А.А. О феномене сопротивляемости в современной зарубежной психологии // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2007. № 42. С. 7–9.
14. Осин Е.Н. Чувство связности как показатель психического здоровья // Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 22–40.
15. Поварёнков Ю.П. Профессиональное становление личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 1999.
16. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности: субъектный подход : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2001.
17. Allen L.R., & Hurtes K. Making an impact: Cure for antisocial behavior found // Parks & Recreation. 1999. N. 34. P. 68–77.
18. Brooks R. B. Children at risk: fostering resilience and hope // American Journal of Orthopsychiatry. 1994. №64. P. 545–553.
19. Csikszentmihalyi M., Schmidt J.A. Stress and Resilience in Adolescence: An Evolutionary Perspective // The Adolescent Years: Social Influences and Educational Challenges. Ninety-sevens Yearbook of the National Society for the Study of Education / Kathryn Borman & Barbara Schneider (Eds). Chicago: The University of Chicago Prsess, 1998. P. 1–17.
20. Ihaya K., Yamada Yu., Kawabe T., Nakamura T. Implicit processing of environmental resources in psychological resilience // Psychologia. 2010. № 53. P. 102–113.
21. Ionescu S. La resilience et les concepts apparentes // Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма : сб. науч. ст. по материалам Первого Международного форума (Санкт-Петербург, 5–7 июня 2006 г.) / под общ. ред. И.А. Басовой, Ш. Ионеску, Л.А. Регуш / пер. Н.Л. Регуш, С.А. Чернышева. СПб. : Кн. дом, 2006. С. 14–17.

22. Keys C.L.M. Risk and Resilience in Human Development: An Introduction // Research in Human Development. 2004. №1(4). P. 223–227.

23. Legault L., Anawati M., Flynn R. Factors favoring psychological resilience among fostered young people // Children and Youth Services Review. 2006. № 28. P. 1024–1038.

24. Luthar S. S., Cicchetti D. & Becker B. The Construct of Resilience: A critical evaluation and Guidelines for future work // Child Development. 2000. №71. P. 543–562.

25. Oktan V. Analysis of adolescents' resilience who are prepared for University exam // Educational Research. 2010. Vol 1. P. 285–292.

26. Velichkovsky B.B. Primary and secondary appraisals in measuring resilience to stress // Psychology in Russia: State of the Art. 2009. P. 539–563.

***Psychological resistibility of a person
and its development in professional work***

There is described the phenomenon of person's psychological resistibility, suggested the author's view on its structure, including such psychic formations as self-appraisal, motivation, conformity and the level of professional training, suggested the thesis about existence of typical situations of resistibility in professional work, as well as given the review of possible strategies of subject's behavior in such situations.

Key words: *psychological resistibility, professional work, self-appraisal, motivation, conformity, professional training.*

